

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

СЕКЦИЯ 1.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
АРАБСКИХ СТРАН
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF ARAB COUNTRIES

А.И.Абалян
(ИВЭСЭП, Москва)

*Основные источники конфликтогенности
в ближневосточном регионе на современном этапе*

Современный Ближний Восток с его постоянно возрастающей геостратегической и геоэкономической значимостью по праву можно считать наиболее конфликтогенной зоной мирового пространства. Этот регион, который все чаще в научной литературе называют Большой Ближний Восток, включая в него территории, простирающиеся от Афганистана на востоке до Марокко на западе и от Ирана на севере до Йемена на юге, является постоянным источником угроз международной безопасности, таких, как терроризм, распространение ОМУ, вооруженные региональные и внутригосударственные конфликты. Обладая рядом специфических и уникальных черт, субрегионы Большого Ближнего Востока имеют преимущественно общие для большинства из них социальные и политические проблемы, обусловленные схожим историческим, религиозным и цивилизационным наследием, которые определяют особенности возникающих здесь конфликтов.

Можно выделить три основные формы конфликтов в ближневосточном регионе: 1) долгосрочные региональные конфликты; 2) кратковременные военные столкновения; 3) локальные диспуты. К межгосударственным столкновениям можно отнести арабо-иранские, арабо-израильские, арабо-арабские войны. Региональные конфликты имели место, в основном, в рамках арабо-израильского противостояния, где конфликт между региональными и внешними акторами проявился, например, в ходе Суэцкого кризиса 1956 г. К той же категории принадлежит и кризис в Персидском заливе 1990–91 гг., во время которого произошло уникальное объединение региональных и иностранных сил для противостояния арабскому агрессору. Примером внутригосударственного конфликта и междоусобных столкновений может служить гражданская война в Ливане 1975–90 гг.

До 1990-х годов исследователями как факторы конфликтогенности на Ближнем Востоке выделялись лишь межгосударственное

соперничество и борьба за контроль над природными ресурсами, нефтью и пресной водой. Только после окончания холодной войны и противостояния сверхдержав стали учитываться такие элементы как этнонациональное соперничество и влияние иностранного вмешательства в регионе, проявляющегося в поддержке коррумпированных и авторитарных режимов.

Одним из важнейших факторов нестабильности является также наличие многочисленных пограничных диспутов, перманентно обостряющих взаимоотношения государств региона. Данные конфликты стали следствием колониального формирования ближневосточных государств с начала XX в. до 1970-х гг.

Немаловажным фактором служит и то, что Ближний Восток на современном этапе представляет собой крайне милитаризованную зону мирового пространства, вследствие поддержки сверхдержавами гонки вооружений в регионе, что служило их долгосрочным стратегическим и экономическим интересам.

Вполне закономерной, таким образом, представляется еще одна характерная черта политических систем стран Ближнего Востока – доминирующая роль армии в процессах формирования региональной политики, государственного строительства, обеспечения единства наций и легитимизации власти правящих режимов. И в то время как в других регионах мира в последние десятилетия существует явная тенденция перехода от военных к гражданским формам правления, на Ближнем Востоке, где в отношениях между государствами доминирует недоверие друг к другу, политики-военные сохраняют свои позиции.

***Абдольхофф Кристоф
(Бад Кройцнах, Германия)***

***Средневековые рукописи мусульманского Востока в библиотеке
Лейпцигского государственного университета***

Библиотека Государственного университета Лейпцига насчитывает сегодня значительное количество средневековых рукописей мусульманского Востока. Данные рукописи начали попадать в Лейпциг после второй неудачной осады Вены турецкими войсками. На поле сражения в захваченных походных мечетях и библиотеках австрийскими военными и купцами были найдены различные восточные рукописи, которые со временем, начиная со второй половины XVII в., были перепроданы городским библиотекам и университетам Лейпцига.

Рукописи представляют собой произведения на арабском, персидском и турецком языках и имеют значительную историческую и

культурную ценность. Так, например, копия Корана, сделанная каллиграфом Азизом Хафизом ал-Кашани, представляет особый интерес в связи с тем, что между *айатами* на арабском был помещен их перевод на персидский язык, а количество таких копий, сделанных вышеупомянутым каллиграфом, составляет 303 экземпляра!

VIII в. вошел в историю ислама как время расцвета науки и культуры. В IX в. популярной профессией в мусульманском обществе стала *варрак* – «букинист», «переписчик». К данной категории относились ученые люди, которые копировали и продавали книги. Нередко они становились известными в обществе благодаря их знаменитым заказчикам.

Возвращаясь к библиотеке Лейпцигского университета, следует указать, что в ее коллекцию входят рукописи научных трудов по астрономии, медицине, теологии, философии, мусульманскому праву, литературе и другим направлениям.

В сентябре 2008 г. в Лейпцигском университете был проведен XXIV Международный конгресс арабистов и исламоведов, одним из центральных объектов исследований которого оставались те же самые рукописи. В качестве одного из ярких выступлений можно выделить доклад профессора из Великобритании – Prof. Dr. Geoffrey Roper «From Manuscripts to Printed in Arab and Muslim Societies». Представляется целесообразным и даже необходимым проведение подобных конференций, посвященных рукописным собраниям, и в других востоковедческих центрах России (Москва, С.-Петербург, Казань), Таджикистана (Душанбе, Хорог) и других стран СНГ.

И.Л.Алексеев
(РГГУ, Москва)

***Ценностный фактор в модели социально-политической динамики
традиционного арабского общества Ибн Халдуна
(по материалам «Мукаддимы»)***

Модель социополитической динамики Ибн Халдуна (1332 – 1406), разработанная им в его знаменитом трактате «Мукаддима», справедливо рассматривается исследователями как первая в средневековой исламской мысли неметафизическая концепция общества.

Принято считать, что Ибн Халдун рассматривает общественное развитие как результат действия естественных объективных факторов, имеющих внеличностный характер, – таких, как типологически противопоставленные формы социальной организации (*'umran*) – *бадава* и *хадара*, т.е. сельская/«кочевая» [периферия] – городской/«оседлый» [центр]. Однако в ибн-халдуновской модели

можно обнаружить как минимум один важнейший фактор, который может быть интерпретирован как субъективный. Мы имеем в виду то, что сам Ибн Халдун обозначает термином *'асабиййа*, который обычно понимается как родоплеменная или, шире, коллективная солидарность.

По мысли самого Ибн Халдуна очевидно, что «солидарность», пусть и основывающаяся естественным образом (*таби'ийан*) на кровнородственных связях, представляет собой несомненную морально-этическую ценность того же порядка, что и храбрость (*шуджжа'а*), «дерзость» (*ба'с*), свобода (понимаемая как независимость от установлений власти – *'адам му'анат ли-л-хукм*, «неподвластность»). В основе всего этого, на взгляд Ибн Халдуна, лежит в целом большая степень близости «пустынников» (*бадавиййин*) к добру вообще по сравнению с жителями городов (*ахл ал-хадар*). Сам мыслитель объясняет это исходя из исламской концепции изначальной чистоты духовной природы человека (*фитра*), которая более свойственна *бадеу* как наиболее ранней форме социальной организации.

Представление о ценностной системе как факторе ибн-халдуновской социологической модели может и должно быть уточнено исходя из семантики и контекстного употребления терминологии «Мукаддимы».

О.В.Андрянова
(Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne; ВФ СПбГУ)
К проблеме источниковедения истории Омана
(о материалах, собранных в Султанате Оман)

Первый вопрос, который задают оманцы, узнав о том, что в России кто-то занимается Оманом, – это «почему?» За ним, как правило, следует разъяснение, что Оман – уникальная страна, а российские востоковеды традиционно отличаются широким кругом интересов, который вовсе не обязательно обусловлен доступностью архивных материалов или рукописных собраний. Тем не менее, несмотря на благоприятное развитие оmano-российских отношений в последние годы – что, несомненно, должно способствовать налаживанию и научных контактов, – история Омана остается для отечественной арабистики непаханным полем. Ввиду того, что автор вот уже несколько лет пытается разрабатывать проблематику оманской истории XVII – XIX вв., заявленный доклад будет посвящен краткому описанию возможностей, которые Оман открывает перед исследователем, и анализу оказавшегося доступным автору исторического материала.

Стремительное развитие Омана с приходом к власти в 1970 году ныне правящего Султана Кабуса не только стало причиной выхода

страны из состояния «средневековья», но и изменило подход к истории. В современном Омане причудливым образом сочетаются стремление к академичности на англо-саксонский лад и традиционализм, мирно сосуществуют университетские научные центры и фамильные библиотеки. Модернизация страны и политика преодоления межплеменной розни значительным образом повлияли на отношение части молодежи к собственному культурно-историческому наследию. В свете подобной ситуации в докладе будет очерчена проблема сохранности рукописного наследия в современном Омане и охарактеризована работа по его охране и популяризации.

Особое место будет уделено проблеме устной историографии (в ее широком понимании) в Омане в современных условиях. Затем автор на нескольких конкретных примерах продемонстрирует, каким образом возможна интеграция «нетрадиционных» для историков Омана материалов (нотариальных документов из частных коллекций, юридических и литературных сочинений, и т.д.) и их анализа второго уровня в общую ткань социально-политической истории.

Поскольку автор искренне надеется, что ей удастся еще неоднократно поработать в Омане, данный доклад следует считать лишь неким промежуточным итогом и надеяться, что он в какой-то мере подстегнет интерес российских арабистов к изучению оманской истории.

П.В.Башарин

(РГГУ, Москва)

Ранний суфизм и манихейство

Проблема манихейского влияния на ислам издавна привлекала исследователей. Влияние идеологии манихеев, в первую очередь эсхатологии, некоторые исследователи видели еще в тексте Корана (например, Olsson, 1988). В связи с признанием суфизма наиболее пластичным компонентом в рамках ислама, в XX в. некоторые специалисты полагали, что сам суфизм возник под влиянием более древних религиозных традиций, в т.ч. манихейства. Однако доводы сторонников такого влияния носили исключительно спекулятивный характер и впоследствии многократно опровергались.

Контакт ислама с учениями, имевшими манихейские истоки, засвидетельствован в эпоху 'Аббасидов, в связи с началом гонений на *зиндиков*, центром распространения которых была Месопотамия, поскольку именно там сложился центр распространения дуалистических идей. Первым повешенным по обвинению в ереси стал Джа'д б. Дирхам (124/742), родоначальник учения о сотворенности

Корана. При халифе ал-Махди в ходе преследований оппозиционных сил с 163/779 г. начались целенаправленные преследования еретиков. Еретиками были провозглашены знаменитый поэт Башшар б. Бурд (казнен в 167/783) за свое учение о природе Дьявола, его современник Салих б. 'Абд ал-Куддус за дуалистические идеи и др.

Часто в доксографических сочинениях богословы ставили суфиев на одну доску с манихеями. С другой стороны, некоторые суфии конкретно обвинялись в связях с манихеями. Наиболее показательным примером является ал-Халладж. Во время своих странствий по Индии, Согду, Мультану и Туркестану он проповедовал среди уйгуров – манихеев и буддистов. Во время судебного процесса у него были обнаружены явно манихейские сочинения.

Предмет ряда текстов и изречений ал-Халладжа не позволяет соотносить их с известной нам ранней суфийской традицией. Более того, он обнаруживает явные параллели с гностической традицией. Особое внимание заслуживает хорасанский суфизм, впитавший большое количество немусульманских доктринальных установок. Анализ суфийской терминологии обнаруживает ряд безусловных совпадений с манихейской терминологией. Учитывая ряд случайных совпадений, можно выявить некоторое число концептуальных понятий суфийской доктрины, заимствованных из манихейства.

С.Н.Бизюков
(Санкт-Петербург)

К вопросу об иностранных заимствованиях в мусульманском праве

Один из наиболее авторитетных исследователей мусульманского права Йозеф Шахт в 1950 г. написал: «На первый взгляд может показаться удивительным, что нужно искать иностранные влияния в правовой системе, которая безошибочно несет на себе печать уникальности». Тем не менее, уже в трудах XIX века появились идеи о схожести ряда институтов, концепций и терминов римского права с соответствующими понятиями и институтами мусульманского права. Наиболее полно концепция иностранных заимствований в мусульманском праве (в первую очередь, из римского права) была представлена в трудах Й.Шахта, которую поддерживал и поддерживает целый ряд видных западных востоковедов; одним из наиболее принципиальных сторонников этой концепции сегодня является П.Кроун.

Вместе с тем, начиная с 50–60-х годов прошлого века, существуют и противоположные, достаточно хорошо аргументированные точки зрения на проблему происхождения мусульманского права. Так,

Г.М.Бадр, сравнивая отдельные правовые институты, входящие в сферу «му'амалат», с соответствующими институтами римского и иудейского права, приходит к выводу о существовании ряда параллелей, которые, не являясь идентичными, могут присутствовать в различных правовых системах. С.В.Фитцджеральд, рассматривая более общие правовые вопросы, совершенно справедливо указывает на радикальное различие природы и целей исламского фикха, построенного на системе казуистических правил, связанных с отношением человека к Богу, и секулярного римского права как «права юристов». Шариат как правовая система никогда не управлялся властью, но всегда оказывал сильное влияние на осуществление правосудия. Х.Либесни, рассматривая правовые параллели в мусульманском, римском и иудейском праве как системах, находившихся в близком контакте на протяжении длительного периода времени на Ближнем Востоке, определяет их как результат общего исторического развития права и правовых систем в этом регионе.

Не меньший интерес представляет и концепция, согласно которой исламское общество явилось не только прямым наследником, но и позитивным продолжателем традиций более древних обществ, существовавших на территориях от Нила до Аму-Дарьи (М.Ходжсон). В этой связи У.Халлак считает ошибочным представление об арабах-завоевателях, пришедших на земли «Благодатного полумесяца», как о неграмотных и лишенных культуры выходцах из безжизненных пустынь Аравии. Он убедительно показывает, что в доисламский период арабы Аравийского полуострова, вступая в многочисленные торговые, военно-политические и культурные контакты со своими оседлыми соседями, являлись носителями общей культуры древнего Ближнего Востока, имевшей семитские корни, и в частности, наследовали правовые традиции, ведущие свое происхождение еще из Древней Месопотамии.

Доклад посвящен анализу различных взглядов на проблему существования иностранных заимствований в мусульманском праве, которая представляет большое значение при изучении раннего периода истории мусульманского права.

Ю. Болдина
(ВФ СПбГУ)

К истории изучения морисков, их иммиграции и интеграции в социально-экономическую жизнь стран Магриба в XVI–XVII вв.

Тема морисков (испанских мусульман, обращенных, зачастую силой, в христианство, но сохранивших свою культурно-этническую

самобытность) и их изгнания из Испании, стала объектом многочисленных исследований как зарубежных – арабских и западных, так и отечественных историков. В последние годы наблюдается настоящее «возрождение» исследований в области морискологии.

История массовой иммиграции морисков начинается в 1610 году. Оставшись в Испании после триумфа Реконкисты и падения Гранады в 1492, они преследовались королем Филиппом II. В середине XVI века Гранада стала центром мощного восстания морисков, направленного против требований инквизиции (запрет на использование арабского языка, точнее, письменности, поскольку большинство морисков использовало в повседневной жизни язык *aljamia*, своеобразную «смесь» арабского языка и испанских диалектов; запрет на проведение религиозных церемоний, одежду и др., включая последовавшую альтернативу: принять христианство или покинуть страну).

Жестокое подавление этого восстания испанскими властями спровоцировало значительный отток мусульман из Гранады, главным образом, в крупные города Туниса и Марокко. Однако хотя в Магрибе их принимали как братьев по вере, их обычаи и традиции, заимствованные в Испании, были более либеральными, чем бытовавшие в Магрибе. Гонимые Испанией за приверженность исламу, мориски получили в Магрибе название «*христиане Кастилии*». В этом и состоял парадокс: в известной мере трагедия национального меньшинства заключалась в его «*двойной андалусской идентичности*», вобравшей в себя черты двух цивилизаций – испанской и арабо-мусульманской.

В целом литературу, посвященную морискам, можно разделить на следующие основные типы работ, где:

- 1) мориски рассматриваются исследователями в рамках обзора общей истории Испании;
- 2) мориски упоминаются как особая социальная группа (с краткой историей их происхождения) при этническом анализе стран Магриба;
- 3) анализируются причины иммиграции морисков Андалусии и детали их переселения в Северную Африку, с последующим анализом условий проживания морисков в Магрибе;
- 4) приводится собственно история иммиграции морисков с акцентом на османское присутствие в странах Магриба и помощь изгнанникам со стороны Османской империи.

Литература: Guichard P. Al-Andalus. Estructura Antropológica de una Sociedad Islámica en Occidente. Granada, 1998; Miguel de Epalza et Ramon Petit. Etudes sur les moriscos andalous en Tunisie. Tunis, 1972; M. Garcia Arenal. Los Moriscos. Madrid, 1975; Henri Lapeyre. Géographie de l'Espagne morisque. Ecole Pratique des Hautes Etudes, 1959; Symposium

international d'études morisques sur Le Ve centenaire de la Chute de Grenade (1492–1992). Etudes réunies et présentées par A. Temimi, Zaghouan; Lapeyre A. Géographie de l'Espagne Morisque, Démographie et sociétés. S.E.V.P.E.N., 1959; Ланда Р.Г. Средиземноморье глазами востоковеда. 1979; Ben Jemia, M.N. La langue des derniers Musulmans de l'Espagne. Tunis, 1987.

В.В.Василик
(ИФ СПбГУ)

***Кондак на освящение святой Софии Константинопольской
и сугита на освящение эдесского храма св. Софии.***

1. Кондак на освящение св. Софии Константинопольской является достаточно важным и информативным источником для общественной истории Византии. В нем содержатся отклики на актуальные события середины VI в. Вместе с похвалами в адрес Юстиниана можно между строк выявить некоторые критические настроения: автор существенно занижает статус императора и неодобрительно отзывается о принуждении в религиозных делах.

2. В «кондаке на освящение св. Софии» можно выявить «имперский хилиазм» – восприятие Ромейской империи как некоего тысячелетнего царства Христова на земле.

3. В кондаке отчетливо прослеживается идея миссии, связанная с эсхатологическими мотивами. Упоминание о представителях разных народов, добровольно притекающих в храм, может содержать намек на крещение варварских царей и вождей либо в двадцатые годы VI в. в прежней базилике св. Софии, либо в тридцатые–пятидесятые годы – в храме, построенном св. Юстинианом.

4. Кондак имеет целый ряд пересечений с трактатом Прокопия Кесарийского «О постройках», но более глубоко трактует целый ряд общих топосов – освещенность храма, гармоничность его пропорций и т.д.

5. В кондаке можно выделить целый ряд богослужебных реминисценций, связанных с чином освящения храма.

6. Текст кондака опровергает теорию Лурье о возможности принесения императором Юстинианом жертв во время освящения св. Софии.

7. Сугита на освящение св. Софии Эдесской имеет много общих мест с кондаком на освящение св. Софии Константинопольской. Во-первых, это тема вселения Бога Слова в человечество, во-вторых, тема

храма как жилища Логоса и жилища света, в третьих, храм как иное небо.

8. Сугита на освящение св. Софии Эдесской также содержит ряд богослужебных реминисценций, связанных с «обновлением храма».

Н.Г.Гараева
(Казанский ГУ, Научная библиотека им.Н.И.Лобачевского)
К истории рукописной коллекции Научной библиотеки
Казанского университета

Одной из первых коллекций восточных рукописей России было собрание Восточного разряда Казанского Императорского университета, которое в 1855 г. вместе с Восточным разрядом было переведено в С.-Петербургский университет. В этом собрании наряду с арабографичными рукописями мусульманской книжной традиции были рукописи сочинений на монгольском, китайском и других восточных языках. Во второй половине XIX в. Казанский университет уже не имел возможности целенаправленно продолжать коллекционирование восточных рукописей. В библиотеке имелось лишь несколько рукописей, оставшихся от прежней коллекции, и время от времени поступали рукописные списки сочинений местных авторов, обычно передававшиеся в библиотеку цензорами Комитета по делам печати, решавшими вопросы издания мусульманской литературы в Казани. Первым существенным пополнением рукописной коллекции Университета стал дар личного собрания арабографичных рукописей (около ста единиц) профессора арабского языка И.Ф.Готвальда (1813–1897), который почти пятьдесят лет был директором библиотеки, а также начальником университетской типографии (1857–1884) и цензором (1860–1875).

В XIX в. коллекционирование рукописей и книг было популярно среди татарских интеллектуалов Казани. На базе открывшейся в 1906 г. в Казани мусульманской библиотеки «Кутуб-хане исламийя» в 20-е годы XX в. была организована Центральная Восточная Библиотека-музей, которая объединила в своем составе собрания таких известных татарских знатоков рукописной книги, как муфтий Галим-джан Баруди (1957–1921), его учитель Салах ад-дин б. Исхак ал-Казани, Ахмад-Хади Максуд и (1868–1941) и др.

На рубеже 20–30-х XX в. в результате реформирования фондов ряда библиотек Казани (в том числе и Библиотеки-музея) их рукописные коллекции были соединены в Научной Библиотеке Тат.Республики. В 1932 г. Библиотека Тат.Республики вошла в состав библиотеки Казанского университета. Поступившая коллекция

арабографичных рукописей насчитывала более 3500 кодексов. В 1964 г. в библиотеку поступило собрание рукописей из мечети Ш.Марджани (единственной в то время в Казани). С 60-х гг. XX в. в библиотеке действует ежегодная археографическая экспедиция, благодаря деятельности которой коллекция рукописей увеличилась более чем в три раза. Современное собрание рукописей Казанского университета по количественным показателям является одним из крупнейших в России и содержит интересные памятники арабо-мусульманской письменной культуры XII – начала XX вв.

И.В.Герасимов
(ВФ СПбГУ)

Коранические школы в Судане XVII–XVIII вв.
(по материалам произведения Ибн Дайфаллаха «Табакат»)

В период Средневековья на территории арабских стран сложился своеобразный институт учебных заведений, представлявших собой начальные коранические школы. В странах арабского и мусульманского мира они получили различные названия: в Египте – «куттаб», в Судане «хальва», в ряде других их называли «завийа», «мадраса».

В основе обучения лежало заучивание текстов Корана или других трактатов, носивших религиозный характер. Они проговаривались преподавателем, а ученики, подражая ему, старались в точности воспроизвести содержание.

Обучение письму также носило подражательный характер. Тренировочным материалом для письма могла служить земля, где первоначально учителем выводились буквы, пальмовые листья.

В условиях кочевого образа жизни, где проблема письменного материала стояла достаточно остро, использовались деревянные дощечки (алуах ад-дарис), которые натирались воском или жиром, и на них учитель при помощи калама – острой палочки наносил определенный текст. В задачу ученика входило, по крайней мере, на ранней стадии, обводить контуры букв. Надо признать, что схожий материал и принцип прописей такого рода был известен и широко использовался в Западной Африке¹, мусульманами Монголии, о чем имеются свидетельства в художественной литературе этой страны².

Далее следовала отработка навыков переписывания и копирования коранических текстов по заданию преподавателя, которая могла

¹ Добронравин Н.А. Арабографическая письменная традиция Западной Африки. СПб., 1999. С. 131–134.

² Жамлийха Ш. Магауя. // Степные мелодии. Улан-Батор., 1985. С.102–106.

осуществляться уже чернилами. Написанное на доске в случае необходимости быстро стиралось и на поверхность мог наноситься новый текст.

В тексте произведения Ибн Дайфаллаха содержатся описания того, как происходили подобные занятия.

Наряду с этим в тексте «Табакат» можно познакомиться с текстами, которые в первую очередь заучивались или разбирались учениками и преподавателями в процессе обучения.

Следует отметить, что среди учеников подобных школ могли встречаться и совсем юные и вполне зрелые люди. Однако возраст и жизненный опыт не имели сколько-нибудь определяющего значения, поэтому и для тех, и для других подбирались тексты исключительно религиозного содержания.

Учебный процесс сопровождался молитвами и проповедями морально-нравственного содержания.

Ученики, пришедшие за наставлениями к духовным наставникам, в тексте часто обозначаются словом «хувар», а получившие уже более высокий уровень образования нередко обозначаются словом «факир».

Б.В.Долгов
(ИБ РАН, Москва)

Современный исламизм в Алжире и его историография

Алжирское руководство в конце 80-х гг. в условиях системного кризиса отказалось от политического курса на построение «алжирского социализма» и провело широкую демократизацию общественно-политической жизни. В то же время в тот период возникло и получило широкое распространение исламистское движение, причины подъема которого носили как эндогенный, так и экзогенный характер. Исламистская доктрина государства и власти (исламское государство), как альтернатива алжирскому социализму и западному либерализму, на фоне обострения социально-экономических проблем, пользовалась значительной поддержкой населения. Вместе с тем победа исламской революции в Иране (1979) и гражданская война в Афганистане (1979–1992) способствовали широкому распространению идеологии «исламского возрождения». Исламский фронт спасения (ИФС), наиболее массовая и влиятельная исламистская партия, в начале 90-х гг. насчитывала 3 млн. членов (население Алжира в тот период составляло 22 млн. чел.). В последствии радикализация исламистского движения привела к длительному вооруженному противостоянию его экстремистских сил с властями (1992–1999), поставившему Алжир на

грань гражданской войны и превратившему его в один из очагов радикального исламизма, борьба с которым продолжается до сих пор.

Историография алжирского исламизма представлена трудами отечественных, западных и арабских исследователей. Среди них Ланда Р.Г., Долгов Б.В., Бабкин С.Э., Рой О., Бюрга Ф., Кепель Ж., Басбу А., Виллис М., Робертс Х., Балта П., Шареф А., Бенхейра Х., Бухобза М. Традиционно наиболее полно и достаточно объективно исламистская проблематика освещается французскими востоковедами, одними из последних фундаментальных работ на французском языке являются: Бюрга Ф. «Исламизм в час Аль-Каиды», 2005, и Кепель Ж. «Аль-Каида в текстах», 2005.

По результатам парламентских выборов 2007 г. в Алжире умеренные исламисты представлены в парламенте тремя политическими партиями. Две из них – «Движение общества за мир» и «Нахда» (Исламское возрождение) входят в президентскую коалицию и поддерживают правительственный курс. Третья – «Движение за национальную реформу» состоит в оппозиции. Радикальный исламизм представлен двумя вооруженными группировками – «Вооруженные исламские группы» и «Аль-Каида исламского государства Магриб». Можно констатировать, что радикальные исламисты, пытавшиеся активизировать свою деятельность в 2006–2008, в основном подавлены. В Алжире реализуется политика восстановления гражданского согласия и закрепления демократических преобразований.

Н.Н.Дьяков

(ВФ СПбГУ)

«Ориентализм» Эдварда Саида: между Востоком и Западом.

К 30-летию книги и концепции

Вышедшая в 1978 г. книга Э.Саида (1935–2003) – американо-палестинского литературоведа и культуролога, профессора Колумбийского университета – оказала заметное влияние на развитие современного востоковедения, на поиск путей диалога между Востоком и Западом.

В основе концепции Э. Саида – критика *«упорных европоцентристских предрассудков, направленных против арабо-мусульманского мира и его культуры»*. В западной науке и литературе, писал Э. Саид, утвердился *«искаженный, романтизированный образ Востока»*, который служил оправданием для колониальных амбиций и захватов. И в постколониальную эпоху Запад продолжал культивировать *«ложный образ араба – карикатурный образ*

нефтеторговца, террориста, фанатика». Актуальные социальные, демографические проблемы региона – демографический (перенаселенность), гендерный, возрастной факторы и т.п. – привлекали явно недостаточное внимание западных ученых, в том числе тех, кто претендовал на звание специалиста – арабиста или исламоведа.

Острой критике Э.Саид подверг и склонность арабской элиты принизить, игнорировать роль подобных взглядов западных авторов на культуру арабов и ислама.

При всей ее спорности, предложенная Э.Саидом концепция «ориентализма», колониального, полуколониального (semi-colonial) и постколониального (post-colonial) развития мира ислама в его взаимодействии с культурным полем Запада нашла широкое отражение в трудах современных востоковедов, историков, социологов. Актуальность этой концепции подтверждают материалы научных дискуссий, состоявшихся в последнее время в университетах Европы, России и Арабского Востока.¹

Н.А.Жерлицына

(Институт Африки РАН, Москва)

Русские научные экспедиции по Тунису в конце XIX – начале XX вв.

В последнее десятилетие XIX в. в России появляется большое количество географической литературы и периодики, энциклопедий и путевых очерков, посвященных Магрибу и Тунису в частности. Российские журналы «Естествознание и география», «Вокруг света» публиковали многочисленные очерки о различных областях жизни страны. Продолжалось этнографическое и географическое изучение менее исследованных южных районов Туниса. Поездки отдельных энтузиастов-путешественников сменились целенаправленным научным поиском.

¹ В 2008 г., в год тридцатилетия выхода в свет книги Э.Саида, автор этих строк принял участие в ряде международных научных встреч по проблемам современной арабистики и исламоведения, в т.ч. в Александрийском университете – «Александрия и культура ислама» (июль 2008); в Лейпцигском университете – конгресс Европейского союза арабистов и исламоведов (сентябрь); в Центре аль-Бабтайн в Кувейте – «Культура и литература арабов в современном мире» (октябрь); в Лондонском университете – конференция АЛЕКСО и СОАС на тему «Изучение Арабского Востока в университетах Запада» (декабрь 2008).

Русские экспедиции в Африку в начале XX в. организовывались большей частью различными научными учреждениями – университетами, музеями, ботаническими садами, почвенными комиссиями и т.д. Предметом их исследования были почвы, полезные ископаемые, растительность, животный мир. Все материалы, собранные русскими учеными и путешественниками, способствовали выяснению и решению ряда важных научных проблем. Зачастую лейтмотивом таких экспедиций был практический интерес: Российская империя, осваивавшая новые земли и рынки на Кавказе и в Средней Азии, нуждалась в практическом опыте ведения дел в новых для себя условиях. Экспедиции в Северную Африку ставили целью сравнить североафриканские реалии со среднеазиатскими.

В этом отношении чрезвычайно интересными представляются такие работы, как книга российского исследователя Средней Азии А.Ф. Губаревича-Радобильского «Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората», очерк М.И. Венюкова «Современная Тунисия», работа Х.В. Гельмана «Отчет по поездке инженера путей сообщения Х.В. Гельмана в 1891 – 1892 гг. в Египет, Тунис, Алжир, Италию и Францию», отчет по командировке С. Синельникова «Лесокультурные работы на неудобных землях во Франции, Бельгии, Швейцарии, Тунисе и Алжире», работа известного ботаника-систематика В.И. Липского «Ботанические учреждения и сады Южной Европы и Северной Африки», книга известного российского минеролога и геолога Я.В. Самойлова «Месторождения фосфоритов Алжира и Туниса», наблюдения специалиста-почвовед Д.А. Драницына, работа зоолога и паразитолога Е.Н. Павловского «Заметка о поездке в Алжирию и Тунисию летом 1914 г.», дневник знаменитого историка античности, археолога М.И. Ростовцева.

Е.И.Зеленев
(ВФ СПбГУ)

Геокультурное пространство: возвращение к образу мира

1. Принципы миросистемного конструирования в естественных и гуманитарных науках: идеал средневековой науки – *Imago mundi* – Образ мира. Востоковедение как единственная в современном гуманитарном знании дисциплина, нацеленная на поиск Образа мира.

2. Современный европейский подход к идее миросистемного моделирования. Ульрих Бек о термине «новая современность». Клаус Оффе о «современных сложных обществах», «Узах, кандалах и тормозах» (1987 г.), «мягкой силе» и «категориях-зомби». Зигмунд

Бауман о понятиях «текущая современность», освобождение, индивидуальность, время и пространство, работа, сообщество. «Теория общественного выбора» Гордона Таллока. Притча Жан-Жака Руссо об «охотниках на оленя». Питер Друкер о «дискурсе Иисуса». Жак Атали об образе «лабиринта будущего». Отказ от поиска Образа мира как «не отвечающего задачам современности».

3. Аргумент в пользу начала поиска современного Образа мира – выравнивание уровней миропонимания гуманитарных и естественных наук. Теория диссипативных структур И.Пригожина. О двух природах формирования руководящих идей – специфической и неспецифической (2006 г.). Альтернативность «руководящих идей» как принцип неспецифического движения в социальной сфере, азиатско-африканские альтернативы развития.

4. Современные руководящие идеи и базовые понятия для создания Образа мира на основе геоэкономических, геосоциальных, геополитических или геокультурных представлений. Геокультурные образы как, несомненно, самые мощные по заложенному в них потенциалу обобщения.

Выводы. С позиций сегодняшнего дня Образ мира имеет шанс быть построен с помощью понятий геокультуры на основе востоковедной научной парадигмы: культура, образ мировой культуры, образы мирового геокультурного пространства и локальных геокультурных пространств, образы геокультурных полей, архетипичная модальность геокультурных полей, образы мегакультурных пространственно-временных континуумов геокультуры, образ мирового геокультурного пространства. Универсализация образов мегакультурного пространства путем совершенствования способов межкультурных коммуникаций.

М.Ю.Илюшина
(ВФ СПбГУ)

Режим бейликата в Египте (1711–1798 гг.)

Политика так называемой османизации Египта после его присоединения к Османской империи в 1517 г. имела целью установить контроль над мамлюкскими воинскими формированиями и использовать их военный и административный потенциал в интересах новой имперской административной системы. Корпорация мамлюков была лишена монополии на власть.

Синтез традиционных для мамлюков принципов государственного и политического устройства, существовавших в период султаната, и элементов османской административной системы сделал возможным

появление в Египте уникальной формы правления, получившей название бейликат.

Термин *бейликат* представляет собой форму множественного числа от турецкого слова *бейлик*, которое восходит к слову *бей*, близкому по смыслу с арабским *'амир* – «повелитель», «правитель». Образованное с помощью показателя *lik* слово *бейлик* соответствует арабскому *'имара* и означает «достоинство, звание правителя». В отличие от других провинций Османской империи в Египте *бей* как сокращенное *санджак-бей* было наименованием не должности, а звания, решение о присвоении которого являлось официальным подтверждением принадлежности к политической элите, формировавшей совет беев – группу высокопоставленных лиц, приближенных к губернатору. В середине XVIII в. совет беев полностью состоял из мамлюков и из органа *при* губернаторе вырос в самостоятельную и влиятельную политическую силу – *бейликат*.

Монополия на власть, к которой мамлюки стремились в течение двухсот пятидесяти лет после османского завоевания, была восстановлена в период правления 'Али-бея аль-Кабира (1768–1773 гг.). 'Али-бей предпринял попытку создать централизованное суверенное государство и основать династию единоличных правителей Египта. Устойчивость нового политического режима не была обеспечена достаточными военными, административными и финансовыми ресурсами, власть испытывала дефицит легитимности. Действия 'Али-бея аль-Кабира привели к медленным, но необратимым изменениям в структуре бейликата и фактически стали прообразом имперской политики Мухаммада 'Али.

Мухаммад-бей Абу-з-Захаб (1773–1775 гг.) опробовал иной путь достижения суверенитета, предполагающий проявление лояльности по отношению к Высокой Порте и укрепление реальной, а не декларативной монополии на власть. Результатом стала непродолжительная политическая и экономическая стабильность в условиях единоличного и фактически независимого правления лидера бейликата при формальном признании мамлюками верховной власти османского султана.

В период правления Ибрахим-бея и Мурад-бея (1775–1798 гг.) мамлюки вступили в фазу междоусобной борьбы. Процесс воспроизводства эффективной элиты, являющийся ключевым элементом стабильности мамлюкского режима, был нарушен. Экономический кризис и напряженная международная обстановка в ближневосточном регионе обострили политическую ситуацию. Во

время французского вторжения бейликат был окончательно разрушен, мамлюки навсегда утратили монополию на власть в Египте.

Г.Г.Исаев
(ВФ СПбГУ; ФФП СПбГУ)

***Научная и политическая дискуссии вокруг причин начала
«Шестидневной» арабо-израильской войны***

Шестидневная война имела серьезные последствия для всего ближневосточного региона, обозначив новый этап в истории как Израиля, так и арабских государств. Вопрос «Кто начал первый?» занимает едва ли не главное место в научных и публицистических спорах и обсуждениях причин Шестидневной войны, став едва ли не важнейшим вопросом о ее последствиях.

Израильская сторона называет эту войну «превентивной», уверяя, что сам Египет готовил войну против Израиля. Действительно, Египет настоял на выводе миротворцев ООН из зоны Суэцкого канала и преступил к переброске войск на Синай – но происходило это в условиях конфронтации Израиля с Сирией, грозившей сирийско-израильской войной, в которой египтяне обязались поддержать Сирию. В некоторых израильских и американских работах популярна версия о предоставлении советской стороной секретной информации Египту относительно агрессивных планов Израиля. Якобы именно эта информация и подвигла Египет на мобилизацию своих сил и в итоге вынудила Израиль напасть. Так, например, упоминается 13 мая 1967 г., когда СССР уведомил Египет о возможном нападении Израиля на Сирию и Египет. Но арабские источники и документы советского МИД говорят о том, что египтяне получили информацию о возможном нападении от сирийцев. Кроме того, рассекреченные документы советского МИД – в частности, от 13 мая 1967 г. – не содержат информации о каких-то призывах Египет напасть на Израиль. СССР еще в апреле 1967 г. официально предупреждал израильскую сторону об опасности эскалации конфликта. Обвинять СССР в заинтересованности в войне на Ближнем Востоке по крайней мере нелогично – советский режим не был заинтересован в конфликте, опасаясь втягивания в него США.

30 мая 1967 иорданский король Хусейн прилетел в Египет и подписал оборонное соглашение. Это событие было истолковано израильской стороной как доказательство скорой агрессии арабских союзников. Египетские исследователи объясняют подготовку египетской армии неизбежностью нападения со стороны Израиля – израильская сторона объясняет свое нападение попыткой предотвратить

атаку со стороны арабских армий. По факту Израиль стал агрессором, нанеся ранним утром 4 июня 1967 г. воздушные удары по египетским объектам и начав полномасштабное вторжение. Сам факт быстрого поражения арабов показал, насколько Египет, Сирия и Иордания были мало подготовлены к войне.

Очевидно, что разгром армий противника не был единственной целью израильского командования – вопрос стоял о захвате территории. Израильские источники подчеркивают, что у Израиля не было четких планов завоевания тех или других территорий. Очевидно, что контроль над Синаем обеспечил бы Израилю лучшие позиции в противостоянии с Египтом, создавая огромную буферную зону. Синай, богатый нефтью и газом, был бы очень полезен Израилю для обеспечения энергией. Контроль над Голанскими высотами также имел военно-стратегическое значение. Роль водных ресурсов Иордана и Тивериадского озера как важнейших источников пресной воды также очевидна – обладание ими было необходимо для дальнейшего развития сионистского государства.

Война, продолжавшаяся всего 6 дней, которую по скорости и стратегии можно сравнить с немецкими блицкригами времен Второй мировой войны, кардинальным образом изменила геополитический баланс на Ближнем Востоке.

Имантс Лявиньш

(Латвийский университет, Рига)

Новые возможности интерпретации картографического материала арабских географов IX–X вв.

Исламскую картографию обычно упрощенно разделяют на три этапа развития: представители «математической географии», находившиеся под влиянием Птолемея и греческой науки, «классическая школа географов» (школа ал-Балхи) и норманно-арабская (ал-Идриси). Когда говорят о представителях математической географии и ал-Идриси, обычно идет речь о влиянии на них и зависимости этих авторов от работ Птолемея.

Отношение к картографическому наследию школы ал-Балхи у исследователей более чем осторожное, можно даже сказать, что это наследие игнорировалось. Это было вызвано кажущимся несоответствием географической реальности и ее изображения в картах авторов этой школы. Указывалось, что эти карты наивны, грубы, нестандартны и вообще более похожи на карикатуры. Причиной подобного отношения является тот факт, что эти карты схематичны, созданы с использованием прямых линий, которые изламываются под углом 45 и 90 градусов, в них часто встречаются геометрически

правильные круги и дуги. В этих картах находили даже признаки «декаденства».

Тем не менее, начиная с 80-х годов XX столетия специалисты в области истории картографии (J. B. Harley, D. Woodward, E. Savage-Smith) стали по-другому относиться к этим источникам. Некоторые из них указывали, что при создании карт авторы могли исходить из совсем другого, отличного от сегодняшнего, применения этого материала. На это указывает и то, что авторы не указывают ни географические координаты, ни деление на климаты. Уже в начале XX века некоторые исследователи обратили внимание на сходство между итинерариями европейского происхождения и картами школы ал-Балхи. Европейские дорожники обычно показывали только одну дорогу (направление) и были трудночитаемы. В отличие от вышеупомянутых дорожников, карты школы ал-Балхи простые и вразумительные.

Карты географов школы ал-Балхи необходимо отнести к топологическим картам, которые искажают реальное направление и расстояние с целью создать для пользователя ясное и легко воспринимаемое изображение. Впервые такую топологическую карту (картограмму) создал Г. Бек (H. Beck) в 1931 г. для Лондонского метрополитена, и эта карта стала «иконой» графического дизайна XX века. Он упростил изображение сложной сети метрополитена, при этом искажая масштаб и расстояния между станциями. Такие карты сейчас широко используются во всем мире. Кроме того, следует отметить, что все признаки топологической карты можно видеть также в картографическом материале ал-Хорезми.

Назим Межид Дейрави
(Библиотека РАН, СПб)
Французская экспедиция (1798–1801)
в современной арабской историографии

Экспедиция Наполеона Бонапарта в Египет и Южную Сирию на рубеже XVIII–XIX вв. – первая в Новое время военная кампания, проведенная одной из стран бурно развивавшегося Запада. Этот поход открыл длинную череду колониальных войн, с той поры непрерывно ведущихся европейскими державами на Востоке. В XIX в. ближневосточный регион стал ареной жесточайшего противоборства между Великобританией и Францией, стремившимися установить здесь свои сферы влияния.

О том воздействии, которое оказала экспедиция Бонапарта на всю последующую историю арабского мира, спорили и продолжают спорить многие арабские ученые. Выводы, к которым они приходили, часто

противоречили друг другу. Так, некоторые из них утверждали, что французская экспедиция в Египет оказала значительное влияние не только на эту страну, но и на всю обстановку на Ближнем Востоке. По мнению этих ученых, вследствие наполеоновской кампании в арабском мире произошел подлинный переворот, началась эпоха «возрождения». Некоторые арабские исследователи, как пишет арабский историк С. ал-Хусари, настолько восторженны в своих оценках заслуг Наполеона, что не стесняются доказывать, будто «французское завоевание Египта, равно как и завоевание Александром Македонским Среднего Востока, было шагом вперед для всей нашей культуры»¹.

Другие же арабские авторы, напротив, отрицают какое-либо положительное влияние французской экспедиции на общую ситуацию на Ближнем Востоке. По их мнению, это была обычная военная авантюра, типичная для эпохи колониализма и повлекшая за собой установление на некоторое время в Египте репрессивной системы военного управления. Эта кампания закончилась полным провалом. Три года, проведенные французским корпусом в Египте, прошли в непрерывных вооруженных стычках: французские солдаты подавляли выступления местного населения, подвергали недовольных арестам и преследованиям.

Говоря о воздействии экспедиции Бонапарта на судьбы арабского мира, ливанский ученый Филипп Хитти отмечает: «После крестоносцев Наполеон первым провел на арабских землях завоевательную кампанию. На политическом и культурном уровнях его экспедиция имела последствия, ощущаемые нами и по сей день»².

Французская экспедиция оставила существенный след в жизни Египта и Сирии. Хотя в военном отношении эта авантюра закончилась провалом, она имела исключительное значение в сфере политики, науки, экономики, общественного развития, международных контактов. На Ближнем Востоке начал меняться сам уклад жизни. Многие из этих перемен впоследствии были связаны с действием ряда новых факторов как национального, так и международного характера. Естественно, не только французская экспедиция вызвала к жизни все эти изменения, однако она направила развитие ближневосточных стран в то русло, в котором оно протекало в последующие десятилетия.

¹ Ал-Хусари Сати. *Ара' ва ахадис фи-т-тарих ва-л-иджтима*. Бейрут, 1985, с. 48.

² Хитти Филипп. *Хамсат алаф сана мин тарих аш-шарк ал-адна*. Т. 1-2. Бейрут, 1982, с. 125.

Е.А.Прусская
(Институт всеобщей истории РАН, Москва)
Арабские хроники времен Египетской экспедиции Бонапарта
как источник для изучения образа «другого»
(на примере восприятия французов в Египте)

Египетская экспедиция Бонапарта (1798–1801) стала одной из важнейших вех в истории взаимоотношения Востока и Запада, оказав огромное влияние на обе стороны. Арабский взгляд на события экспедиции и собственно на французов отражен в хрониках того времени, из которых особенно ценны «*Аджаиб асар*» египетского историка Абд ар-Рахима ал-Джабарти и «*Зикр ат-тамаллюк*» сирийца Николая ат-Турка. Хроники позволяют проследить отношение к французам разных социальных, религиозных и этнических групп египетского общества.

Большой, мусульманской, частью египетского населения, вне зависимости от социального положения, французы воспринимались со страхом и ненавистью, прежде всего, как иноверцы и завоеватели, обладающие большой военной мощью. Образованная часть общества, представленная улемами университета ал-Азхар, понимала необходимость сотрудничества с завоевателями и смогла оценить их впечатляющие научные достижения.

Существуют различия в освещении экспедиции хрониками ал-Джабарти и ат-Турка и в отношении каждого из авторов к французам, обусловленные их религиозным и этническим происхождением. Ал-Джабарти старается быть объективным, но французов воспринимает, прежде всего, с точки зрения мусульманина, относясь к ним немного презрительно за их дикие с его точки зрения нравы, хотя отмечает и достоинства. Николай ат-Турк был христианином и не являлся жителем Египта, его отношение к французам является достаточно доброжелательным.

Говоря о хронике ал-Джабарти, следует отметить, что существуют еще два сочинения, тесно связанные с ней, – это «*Муддат ал-франсис би миср*», своего рода дневник событий времен французской оккупации, и «*Мазхар ат-такдис*», написанный после ухода французов в протурецком духе. Для изучения непосредственного восприятия египтянами французов и их образа жизни целесообразнее использовать «*Муддат ал-франсис*» и «*Аджаиб асар*».

Что касается сочинения ат-Турка, то его хроника изобилует пышными эпитетами и восхвалениями, в том числе по отношению к французам, однако это скорее особенность стиля, нежели свидетельство тенденциозности – ат-Турк был придворным поэтом.

По сочинениям обоих авторов можно также проследить восприятие хронистами государственного строя Франции, совершенно незнакомого Востоку, и событий революции 1789 г., что дополняет весьма примечательными деталями общую картину образа «другого», в данном случае французов, в восприятии арабов на рубеже XVIII–XIX вв.

Д.А.Радивилов
(ИБ НАН Украины, Киев)
Ибадитский текст о покаянии ‘А’иши

В ученых дискуссиях о неверии (*куфр*) ибадитским идеологам свойственно повышенное внимание к акту покаяния (*тауба*).

Так, по мнению ибадитов, убийство халифа ‘Усмана было предпринято в полном соответствии с буквой Корана (Сура 9 («Покаяние»): 12 (12)), после того как раскаяние халифа в совершенных грехах оказалось неискренним, а сам он, вследствие этого, превратился в правителя-*кафира*. Как утверждают ибадитские ученые, мусульмане, оправдывавшие ‘Усмана, участвовавшие в акциях мести за кровь халифа, встали на сторону имама-*кафира* и выступили против нового, легитимного лидера правоверных – ‘Али.

Среди мусульман, желавших отмщения за ‘Усмана, супруга Пророка ‘А’иша удостоена двойкой оценки. Ее поведение, наряду с действиями других предводителей анти‘алидского движения – Талхи и аз-Зубайра, признается противоправным, греховным, хотя чистосердечное раскаяние ‘А’иши, свидетельства которого в подробностях рисует ибадитская историография, восстанавливает ее в рядах правоверных мусульман. В ибадитской литературе ‘А’иша предстает жертвой происков Талхи и аз-Зубайра, именуется «матерью верующих», одной из *мустафайат* («избранных [женщин]»), наконец, является авторитетным хранителем традиции Пророка.

Аргументы, которыми руководствовались ибадиты, формулируя свое отношение к ‘А’ише, представлены в сочинении ибадитского факиха Абу Кахтана Халида б. Кахтана, действовавшего в Омане во второй половине IX в.¹

Сира Абу Кахтана – краткая ретроспектива мусульманской истории от сотворения мира до падения первого ибадитского имамата в Омане (IX в.). Абу Кахтан пересказывает бытующие в мусульманской среде космогонические предания, дает оценку выдающимся деятелям

¹ *Сират аш-шайх ал-факих Аби Кахтан Халид б. Кахтан рахимаху-ллах //* Рукопись № 1082 Научной библиотеки Львовского национального университета им. И. Франко. С. 113–149.

раннего ислама, делясь своими воззрениями на принципиальные вопросы мусульманской доктрины.

М.А.Родионов
(МЭ РАН (Кунсткамера), СПб)

Документ из семейных собраний Гайл Ба Вазира (Хадрамаут)

Семейные собрания Гайл Ба Вазира, важнейшего сельскохозяйственного центра провинции Хадрамаут (Республика Йемен), хранят немало свидетельств. Среди них – самое старое из известных мне соглашений, регламентирующих расходы на брачные церемонии, датированное 1322 / 1904 г., акты купли, продажи и аренды, рукописные талисманы и т.д. Ниже дается мой перевод документа из собрания ‘Умара ‘Авада Бакуна Ба Матрафа (55 лет); фотокопия сделана в полевом сезоне 2008 г. В картуше на бланке солнце и надпись «Величество. Величество. Ку‘айтийское государство аш-Шихра, ал-Мукаллы и Хадрамаута».

«[1] Хвала Аллаху Единому. И далее: Во вторник 22 дня, наступившего в благой месяц сафар 12 // [2] 98 года [25.01.1881], уважаемый ‘Аббуд б. ‘Али ал-Мардуф Ба Бакр взял в аренду для себя и своих арендаторов земельный участок: [3] старый кяриз ал-‘Удайба, выходящий сейчас из земли аш-Шиджн и других земель вакфа рода Ба Матраф и рода // [4] Бакрун, а они – ‘Умар Салим б. ‘Али Ба Матраф и два его брата, Мубарак и Ахмад, сыновья Абу Бакра б. ‘Али Ба Матрафа, Ахмад и его братья, // [5] ‘Абдаллах и ‘Авад, и ‘Абдаллах б. Са‘ид Бакрун и ‘Али б. Салим Бакрун, ‘Умар и Мухаммад, сыновья Абу Бакра б. ‘Умара // [6] Бакуна. Земля их вакфа, по которой проходит кяриз, – от хорошо известного колодца ад-Диван. // [7] Западная граница упомянутой земли – пальмы вакфа, с востока – земли вакфа, дорога и деревянный каркас для сушки табака, с севера – водный резервуар кяриза ад-Диван и водный резервуар // [8] упомянутого кяриза. На юге – дорога, ведущая к ад-Дивану. Это всем известно и не нуждается в уточнении. [Аренда] за // [9] годовую плату одиннадцать микайлей [1 микайл – около 10 литров] хлебного сорго из Гайла. Упомянутая плата в полном размере вручается ежегодно от пользователей // [10] кяриза владельцам вакфа Ба Матраф как законная и правомочная сделка без принуждения и // [11] по доброй воле. И [срок] ее – шестьдесят [сиктин] лет, где буква *син* предшествует букве *та*, пока течет кяриз через их упомянутую землю, плату получают // [12] упомянутые владельцы вакфа, во-первых, при условии их равного положения. каждый присутствующий самолично, а за отсутствующего арендную плату получает // [13] заместитель шариатского судьи в Гайл Ба Вазире

на глазах у всех, для чего он составляет письменное свидетельство, а Аллах – лучший из свидетелей. // [14] А с того из них [арендаторов], кого не застал ответственный за вакф, плату также взимает заместитель шариатского судьи на глазах у всех».

Далее идет четыре столбца подписей участников сделки и ее свидетелей. Документ завершается словами «Списал с подлинника буквально Са'ид Мухаммад Бара'ийа, кади Гайла, 12.06.1387 г. Х.» [24.12.1958], чем и объясняется поздний бланк с картушем султанов ал-Ку'айти.

Д.Э.Севрук

(Белорусский ГУ, Минск)

***Трактат «Ар-рисала ар-растбашийя» Абу Абдаллаха ал-Хусейна б.
Хамдана ал-Хасиби как источник для изучения истории
общины нусайритов***

Трактат «Ар-рисала ар-растбашийя» (название образовано от персидского «раст баш» – аналога арабского «кун мустакиман» – и может быть переведено как «Послание, наставляющее на прямой путь») принадлежит перу Абу Абдаллаха ал-Хусейна б. Хамдана ал-Хасиби (в другом прочтении – ал-Хусайби) (ум. 345/956–57 или 358/969), фактического основателя и первого теоретика учения общины нусайритов/алавитов, и содержит детальное изложение основных теологических доктрин нусайритов.

Последователи общины, распространенной в настоящее время в Сирии, Ливане и юго-западной Турции (Антиохии) и относимой многими исследователями к крайним шиитам, верят, что эманацией божества в мире является священная триада: идея/смысл (*ма'на*), имя (*исм*) [иначе еще именуемое «покров» (*хиджаб*)] и врата (*баб*), каждый элемент которой находил свое воплощение в различные исторические эпохи в разных персоналиях, а также имеет аналоги в природе (небесные тела либо природные явления). Сочинение ал-Хасиби дает подробное описание инкарнаций триады от Авеля до Али б. Абу Талиба и двенадцати имамов, раскрывает значение каждого из ее элементов и их иерархию, а также разъясняет другие аспекты учения общины: идею переселения душ, божественной природы небесных тел и т.д. Само учение и в наши дни считается закрытым (*батин*) и доступным лишь узкому кругу посвященных.

До настоящего времени рукопись была неизвестна, что подтвердил в личной переписке с автором настоящего доклада составитель «Истории арабской литературы» (*Geschichte des Arabischen Schrifttums*) Ф. Сэзгин (Университет Франкфурта-на-Майне). Копия рукописи

трактата, переписанной в 1990 г. в г. Сафита (зап. Сирия), была обнаружена автором во время его работы в Сирии в 2003 г.

Л.Р. Сюкияйнен
(ГУВШЭ, Москва)

***Исламская правовая культура
и диалог цивилизаций в современном мире***

1. Для исламского права всегда было характерно взаимодействие и сосуществование с другими правовыми культурами. Его достаточная гибкость проявлялась не только в многовековой эволюции его собственного содержания, но и в способности находить точки соприкосновения с другими правовыми системами. Этот процесс носил взаимный характер. В частности, начиная с середины XIX в. исламское право вступило в период реформ, которые проходили под прямым влиянием европейской правовой традиции.

2. Исламские и европейские юридические институты несравненно активнее контактируют друг с другом в современных мусульманских странах. В результате к настоящему времени в подавляющем большинстве из них сложились правовые системы, которые включают элементы данных правовых культур в их единстве, взаимопроникновении или конкуренции. Ряд характерных черт исламского права как юридического явления и самостоятельной правовой системы ярко проявляется в его тесном взаимодействии с европейской правовой культурой.

3. Исламская правовая культура может сыграть важную роль в решении сложных проблем, стоящих перед современным миром и отражающих взаимодействие цивилизаций и культур. В частности, концепции современной исламской правовой мысли актуальны для определения направлений и перспектив включения мусульманского мира в процесс глобализации. Они важны для проведения политических реформ в данном регионе, а также для глобального диалога по вопросам прав человека и международного сотрудничества в противостоянии терроризму и экстремизму.

С.А. Французов
(ИВР (СПбФ ИВ) РАН, СПб)

***Приписка к рукописи Арабской Библии из собрания СПбФ ИВ АН
(D 226) как источник по истории османского завоевания Сирии***

Одна из наиболее полных рукописей Библии на арабском языке, состоящая из трех томов и хранящаяся в СПбФ ИВ РАН под шифром

D 226, изобилует приписками. Самая ранняя из тех среди них, что не относятся к переписыванию библейского текста¹, несмотря на свою лаконичность, содержит уникальный материал по османскому завоеванию Сирии. Почерк этой приписки, начертанной в левом нижнем углу л. 1а т. I, отличается крайней небрежностью, не говоря уже о частичном отсутствии диакритических точек, однако ее все-таки удалось прочитать.

Во-первых, в ней сообщается точная дата (включая день недели), когда османский султан Селим I (1512–1520) взял Алеппо, – 27 раджаба 922 г. х., понедельник. По синхронистическим таблицам это число приходится на 26 августа 1516 г., вторник. Поскольку день недели обычно указывается точно, следует признать, что, согласно этой приписке, османы вступили в Алеппо в понедельник, 25 августа 1516 г., которому соответствовало 27 раджаба². Однако принято считать, что Селим I овладел этим городом 28 августа 1516 г.³, хотя решающая победа над мамлюками была им одержана при Мардж Дабике 24 августа 1516 г., а от Мардж Дабика до Алеппо всего день пути. Таким образом, дата взятия Алеппо, приведенная в приписке, вызывает больше доверия.

В этой же приписке упоминается окончательный разгром османами войска ал-Газали 27 сафара 927 г., во вторник. Речь идет о мамлюкском военачальнике Джан-бирди ал-Газали, который сначала перешел на сторону Селима I, а после его смерти поднял мятеж. Датой подавления этого мятежа, следуя приписке, нужно признать 5 февраля 1521 г., также приходящееся на вторник.

Наконец, в приписке упомянут Фархат-бек, известный под *нисбой* ал-‘Усмани, который в декабре 1521 г. стал наместником всей Сирии. Этот временной рубеж следует считать *terminus post quem* для

¹ Речь идет о семи колофонах переписчика Саввы Лавриота (Пимена Дамаскина), помещенных после некоторых библейских книг и датированных 6744–6746 гг. от сотворения мира (1235–1238 гг. н.э.). Правда, сейчас представляется все более вероятным, что они были скопированы вместе с библейским текстом в начале XVI в., к которому в таком случае и следует относить D 226. Тогда рассматриваемая здесь приписка оказывается вообще самой ранней во всей рукописи.

² Это хорошо известно историкам мусульманского Средневековья расхождение связано с тем, что строгое чередование мусульманских месяцев по 30 и 29 дней часто нарушалось и нарушается до сих пор, поскольку начало месяца определяется эмпирически, по наблюдению новой луны.

³ См., например: Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984, с. 31.

составления данной приписки.

А.Х.Хизриев
(Дагестанский ГУ, Махачкала)
Отечественные источники и историография по
внешнеполитической истории Египта от строительства Суэцкого
канала до
английской оккупации (1854–1882)

Источниково-историографическая база данного периода обширна и состоит из трудов отечественных и зарубежных авторов. Основными первоисточниками на русском языке явились материалы Архива внешней политики Российской империи, материалы фондов которого содержат разнообразную информацию по различным вопросам указанного периода. Наибольший интерес среди них представляют документы, относящиеся к событиям 1879–1882 гг. Важные сведения были извлечены и из материалов Военно-исторического архива (РГВИА), в частности, были использованы материалы фондов 317 и 452, представляющие донесения русских агентов в Военное министерство Российской империи.

Отечественная арабистика советского периода внесла большой вклад в изучение новой истории Египта. Первые попытки исследования истории Египта нового и новейшего времени нашли отражение в трудах М.М.Аксельрода, В.А.Гурко-Кряжина, П.Китайгородского, И.Ю.Крачковского, В.Б.Луцкого и др. Важным событием в истории становления советской науки о Египте явилось издание книг Ф.А.Ротштейна «Захват и закабаление Египта» и Х.И.Кильберг «Восстание Араби-паши в Египте».

Работы Ф.М.Ацамбы, З.И.Левина, Г.А.Нерсесова, Л.А.Фридмана, В.В.Черновской, В.С.Кошелева, М.С.Бурьяна подняли на новый уровень проблему изучения египетской истории 50-х–80-х годов XIX в. Отдельные стороны или смежные аспекты исследуемой темы рассматривали О.В.Богушевич, С.А.Кириллина, И.М.Смилянская и др. Наибольший вклад в изучение интересующих нас проблем сделали советские востоковеды К.В.Виноградов, В.С.Кошелев и Н.А.Ерофеев.

Завершая анализ отечественных источников и историографии, необходимо подчеркнуть, что проблема Суэцкого канала являлась ключевой в мировой политике второй половины XIX – XX вв., так как все время влияла на безопасность и стабильность в ближневосточном регионе, что диктует сегодня необходимость в более широком и детальном освещении этой проблемы.

Roswitha Badry
(University of Freiburg, Germany)
***Living for the Islamic Cause: Selected Memoirs of Contemporary Muslim
Activists (Arabic Sources, 20th C.)***

Self-narratives have experienced a boom in the 20th century, not only in the Arab world but also worldwide. Memoirs and autobiographical accounts have often been used as an important source of social history, although one has to bear in mind that they are a social construct of the author as well.

Given the huge amount of Arab self-narratives the research on this literary genre has made great strides over the past years. The majority of researchers, however, have almost neglected the memoirs and autobiographical notes of religious activists. Of course, such narratives rarely are a literary highlight. Moreover, they are still giving the impression of a simple and stable identity of the protagonist – in contrast to the complex and shifting multiple identities unfolded by ‘post-modern’ literati. Nevertheless, a careful reading and analysis of the texts can reveal several noteworthy features.

Taking Muhammad al-Ghazali’s (1917–96) memoirs as an example, I did suggest in a former article that the reminiscences of religious scholars and activists present a specific variation of the genre because of their characteristic mix of traditional «*tarjama*» elements (e.g., few information on intimate relations, focus on the educational and professional career as well as public activities) and modern aspects (e.g., the first memory, underlining the rebellious nature of the young hero; ideological – political as well as polemic – contents) of self-narration. To substantiate this hypothesis, this contribution deals with the life-stories of several other well known 20th-century Egyptian protagonists of Islamic «*da’wa*» whose far-reaching influence cannot be denied. Further questions to be tackled in this paper are for instance: What kind of information we can gather from such sources? To what extent do they shed additional light on the author’s personality and on his times? How the particular discourse in these self-narratives can be deconstructed?

Joseph Drori
(Bar Ilan University, Israel)
The Evaluation of Saladin in Modern Arab Historiography

In medieval literature, certainly after the battle of Hittin and the conquest of Jerusalem, Saladin is represented by his contemporaries and their immediate successors as an ideal ruler. His virtues – lenience and consideration for the weak and vanquished, frugality and devoutness – are noted in virtually every biography. A rare exception was Ibn al-Athir, who

did highlight some of Saladin's strategic blunders (opting for the conquest of the symbolically significant Jerusalem instead of launching a siege against Tyre, a harder but more constructive task for hindering the Crusaders; failing to exert authority during the conquest of Jerusalem, which led to misconduct by his officers; the failure to defend Acre against the warriors of the Third Crusade; the appointment of his inexperienced sons).

The article will review the accounts by modern writers, scholars and popularizers of Saladin's actions, and particularly of the controversial points in his career, such as his failures in battle, as in Hattin in 1187 or the futile raids in the Galilee; his acts of violence and cruelty in executing Hittin prisoners or in the murder of Shawur, the Egyptian vizier; his evasive demeanor towards his master, Nur al-Din; his scheming to take over his master's assets, pretending to protect his son while pilfering his lands; his protracted wars in Northern Syria and Mesopotamia, which put him in direct conflict with the local rulers and delayed a decisive campaign against the Crusaders.

The article will examine the question whether modern assessments, which are affected by Saladin's uncontested symbolic status, merely cultivate his perfect image (as in choosing to represent misguided and immoral moves as either deliberate, calculated actions, or as necessitated by the circumstances), or are indeed willing to acknowledge the leader's shortcomings and mistakes, while not detracting from his due praise for other achievements which make him an exhilarating and hope-inspiring national myth. In addition, the article will attempt to trace potential differences between various modern writers and offer possible explanations to their differing emphases (such as the rise of nationalism, pan-Islamic trends, etc.).

Gad Gilbar
(University of Haifa)
Nineteenth-century Muslim Entrepreneurs
and Middle Eastern Historiography

History books written in recent generations about the Middle East in the period of the long nineteenth century have generally conceptualized Muslim societies as being led by three local elites: the ruling elite (*umara*), the religio-cultural elite (*ulama*) and the landed elite. According to the conventional historiographical approach, the economic-commercial elite in these societies was comprised of foreign subjects (British, French, Italians, Greeks, Hindus, etc.) and ethnic and religious minorities (Greeks, Armenians, Jews, Christian Arabs, etc.). These works suggest the absence of Muslim entrepreneurs from

the complex of the commercial and financial life in the major urban centers of the Middle East.

To this day, these texts have exerted considerable influence on researchers and students of Middle Eastern history. Although in the past, several historians have traced the activity of Muslim big merchant-entrepreneurs (*tujjar*) in a number of regions, particularly in Iran, Iraq, the Gulf Emirates, Palestine and Sudan, the generalizations regarding the structure and composition of the elites in the Middle Eastern Muslim societies, especially in the Ottoman Empire, have remained.

Recently, this paradigm has been challenged. A study published in 2003 revealed the existence of significant groups of Muslim *tujjar* in many urban centers of the Middle East. The *tujjar* in Anatolia and the Fertile Crescent, in Iran and the Gulf Emirates, and even in Egypt were among those who stimulated expansion in the cultivation of commercial crops, the development of crafts, the establishment of factories, investment in land and maritime transport, and in the scope of foreign trade and traditional banking.

In this paper I offer an analysis of the various factors that can explain the marked disparity between the dominant narratives concerning economic entrepreneurship in the Middle East, and what the primary sources – both local and foreign – tell us about this subject.

Livnat Holtzman

(Bar Ilan University, Israel)

*Shi'r al-fuqahā' and its role in proliferating theological formulae
in 14th C. Cairo and Damascus*

Versified treatises or didactic poems (*man ūma*) on theology, grammar, sufism and religious polemics, although being a very popular genre in medieval Cairo and Damascus, were never considered proper poetry by theoreticians. Ibn Khaldūn's (d. 784/1382) well-known harsh criticism on this genre focuses on the poor language skills of the *fuqahā'*, who, disobeying grammatical conventions, produce lengthy poems of peculiar language, thus gaining the derogatory name of «the poetry of jurists» (*shi'r al-fuqahā'*).¹

Nevertheless, the *fuqahā'* who wrote this kind of poetry, and the histo-

¹Ibn Khaldūn, *The Muqaddimah – an Introduction to History*, trans. F. Rosenthal, Princeton: Princeton University Press 1958, vol. 3, 394–395; Ibn Khaldūn, *Muqaddimat Ibn Khaldūn*, Cairo: Ma'ba'at Mu'afā Mu'ammad n.d., 578–579; W. Heinrichs, «Literary Theory: the Problem of Its Efficiency», in: G. E. von Grunbaum (ed.), *Arabic Poetry: Theory and Development*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz 1973, 26–27.

rians and biographers who dealt with the latter's biographies treated this genre, also called *na m*, with serious consideration. Employing the prosodic conventions of classical Arabic poetry in their own poems, and assessing these conventions in their peers' works, the *fuqahā'* rated didactic poems as (*asan*), acceptable or satisfactory (*maqbul*), not bad (*lā ba'sa bihi*) and feeble (*rakīk*). This rating scale, which appears in the biographies of *fuqahā'* of the 13th and 14th centuries, is a clear indication of the serious attitude towards the genre of didactic poems.

As was pointed out by one of the very few researches dedicated to this genre, didactic poems were written mainly as an aid for teachers.¹ Still, they also played an important role in public debates (*munā ara*). This role will be examined here via the case of a very short didactic poem allegedly written by an anonymous Dhimmī scholar in the 14th c. This poem, a poetic manifestation of Quran 6: 148 («Had God pleased, neither we nor our fathers would have served other Gods besides Him», trans. N. J. Dawood, 1956), presenting the paradox of a predetermined heresy, has urged the scholars of Cairo and Damascus to write eloquent and lengthy *response* to it. Among the scholars participating in this initiative were prominent sheikhs such as the Shāfi'ī 'Alā' al-Dīn al-Bājī (d. 714/ 1314) and the *anbalī* Ibn Taymiyya (d. 728/1328). All in all, apart from Ibn Taymiyya's poem, there are seven lengthy *response* to the alleged Dhimmī's poem, reflecting the tenets of Ash'arī *kalām*.

Details on the circumstances in which these poems were composed, as recorded in the biographies of *fuqahā'* allow us to depict the vivid public theological polemics in the 14th c. Damascus and Cairo. An analysis of the short poem which ignited this public debate, and of the responding poems, leads us towards a better evaluation of these poems as a powerful tool in polemics. The succinct theological theories and formulae, which are usually very hard to grasp, are molded into rhythmic texts with a clear enthusiastic tone. From this and other cases, one may conclude that didactic poems on theology were efficient tools of proliferating theological formulae.

¹ G. J. van Gelder, «Arabic Didactic Verse», in: J. W. Driivers and A. A. MacDonald (eds.), *Centres of Learning: Learning and Location in Pre-modern Europe and the Near East*, Leiden: Brill, 1995, 103–117.

M.H.Ilias

*(Centre for West Asian Studies & India-Arab Cultural Centre, New Delhi)
Hadrami Arab Diaspora and the Normative Change in the Pattern of Religious Consumption among Mappila Muslims of Kerala*

Arabs had close trade ties with the Malabar Coast even before the birth and spread of Islam in 7th century. Although some of these Arabs may have come from the Hijaz, Oman and Bahrain on religious mission, they were chiefly traders from Yemen and Hadramawt. These merchant communities engaged in the further Islamization of coastal peoples, from the eighth century. Pulling the boundaries of Islam further to the south and east, they often established their own expatriate communities. Each expatriate community became an integral part of local social life, as they were vital to the Islamization of insular South and East Asia. Muslim intellectuals, scholars, clerics and missionaries joined this bandwagon in great numbers along with the frequent traders. It is the direct relation of Kerala Muslims (known popularly as Mappilas) with the other Muslim communities scattered around the world, which resulted in lesser influence of Indo-Persian brand of Islam in Kerala. Its isolation from Indo-Persian Islam is more significant as Mappilas have by-passed not only the political sway and tradition of it, but also the cultural heritage and theological affinity. The Arab diasporas have brought with them several innovative practices and traditions, leaving tangible imprints upon the religious domain of places like Malabar. This cultural blend has also been the hallmark of art and literature. So is the case of Arabic-Malayalam, an indigenously developed language of Mappilas of Malabar, whose overwhelming presence caused the poor growth of Urdu, which otherwise is considered to be the pan-Indian Islamic language.

Diasporic Arabs had enjoyed a peculiar position in religious affairs as the agents of reforms in local Muslim community. They were more alive in proselytization of local Muslim population. Religiously speaking, the Hadrami Saiyids had a particular mission of spreading Shafī sect of orthodoxy. The Arab Sunni influence is explicitly seen in the practices prevailing among Mappilas, though Shiite-Persian influences are evident in some practices.

Among the members of the Diasporic Arab ulemas, who enjoyed special religious influence among Mappila population were the Thangals. They trace out their ancestry to the Saiyids of Hadramawt and thereby claim their descent from the prophet's family. They continue to enjoy special religious status; the sanctity, which they possess, is obviously due to this status. As the scholars, who came from the native place of Islam, the Hadrami Thangals were entitled to issue fatwas on several religious issues. The key sign of grace and authority was the acts of wonder and power, what we call miracles they owned. The Mappilas turn for help to such saintly figures, dead or liv-

ing, who were said to possess divine powers. Besides the religious positions they occupied, the Hadrami groups, like Mambram Thangals were very active in anti-colonial struggles. As the Charismatic leaders, they gave spiritual benediction to several outbreaks of the Mappilas against the oppressions of colonial powers, mainly the British. Sayyid Fadl (Mambram Thangal 1823–1901 A.D.) was in particular remained to be the spirit behind several of the Mappila outbreaks.

This paper is an attempt to see how the religion, culture and language of an indigenous Muslim community got influenced through interaction with the diasporic Hadramis. It seeks to trace out the influence of it on the religious and cultural consumption of the receiving community. The focus has been given to Hadrami diaspora's role in shaping the cultural as well as religious being of the Mappila community.

Amalia Levanoni
(*University of Haifa, Israel*)
The Battle of 'Ayn Jalut: An Islamic Myth

A myth is a kind of allegory, generally a political one, which deals with events from the past. Events such as an important battle or the emergence of a new community in history normally become archetypal myths. However, myths are dynamic, tend to become expanded in the course of time and are augmented with new popular elements. Sociologists and historians have studied how myths function in the transmission of knowledge in human communities and how they are perceived in their present world in light of past experience. Other issues that have been studied touch upon the sectors interested in fostering myths and their motives. It was generally the elites that created myths through their cultural agents (such as writers and poets) in order to build and preserve legitimacy for their position in the community. Therefore the myth usually contains facts of an actual event but it grows into an embellished, grand story through the adaptations, revisions and new interpretations inserted into it by the cultural agents of the elites. As to the historian, he can benefit from the study of how a community chose to preserve the event in its collective memory far beyond the actual facts of the event.

The battle of 'Ayn Jalut (Spring of Goliath) between the Mamluks and the Mongols, that took place on Friday, 25 Ramadan 658/3 September 1260, in Palestine, northeast of Baysan, is a classical model of an event that embodied the appropriate elements that would turn it into a myth at the time of its occurrence. The Mamluk elite and the historians, from the sector of the religious learned scholars in Medieval Islam (the '*ulama*'), fostered the myth of 'Ayn Jalut and placed it among the decisive battles in the history of Islam. It contains all the symbols that supported Islam and its heroes, and by

contrast encouraged hatred of the «others», the enemies of Islam. The purpose of my presentation is to show how the myth of Ayn Jalut was built and cultivated to legitimize the position of the two elites, the Mamluks and 'ulama', in the medieval Muslim community.

Yaacov Lev
(Bar Ilan University, Israel)
The Sultan Nur al-Din of Syria (1146–1174)
and His Admiring Biographers

The history of Nur al-Din is also a fascinating chapter in the history of twelfth and thirteenth century Arabic-Muslim historiography. We owe most of our information about Nur al-Din to Ibn Asakir (1105–1176) and Ibn al-Athir (1160–1233).

Immediately at the beginning of his biographical note on Nur al-Din, Ibn Asakir mentions three of the titles used when referring to him: The Just King, The Light of Religion, and The Helper of the Commander of the Believers (i.e. the Abbasid caliph). The emphasis placed upon these titles must be understood as a reflection of Ibn Asakir's vision of what constituted political legitimization in the context of twelfth century Sunni Islam. Ibn Asakir's text is, more or less, in line with the way Nur al-Din is usually depicted in the inscriptions pertaining to his reign.

Ibn Asakir's depiction of Nur al-Din was adopted and perfected by Ibn al-Athir, who emphasized Nur al-Din's uncompromising devotion to the holy war. The modern reader is captivated by the qualities of Ibn al-Athir's narrative with his simple language and elaborate yet effective division of the material into chapters and sub-chapters. Our admiration for Ibn al-Athir's style, however, must not obscure his shortcomings as a historian. Ibn al-Asakir's depiction of Nur al-Din as a selfless warrior of the holy war seems rather suspicious to the modern reader.

The aim of the paper is to make sense of the various depictions of Nur al-Din but, it must be emphasized, the exact nature of his charisma continues to elude us.

Alexander S. Matveev
(St.Petersburg State University)
The Seljuks in Palestine at the end of XI C.: the Artuqis of Jerusalem

The paper is dealing with the early period of Turkish penetration to Syria and Palestine in the last 3rd of the XI C. It was a complicated transitional

period, which led to certain controversy of the sources. In scholarly literature it was mostly described *in passim*, as a sort of introduction to the Crusades or a peripheral aspect of the Seljuq history. This resulted in the confusing of chronology of the period and certain slips in interpreting the course of events. Thus, a new examination of all available sources is necessary to produce a fuller picture of the time.

In the 2nd half of the XI C. Palestine and Southern Syria belonged to the Fatimids of Egypt, but the coming of the Sunni Seljuqs to Syria resulted in their eventual expelling from these lands. A Turkish chief Atsiz captured Ramla and Jerusalem in 1071, and after a short Fatimid re-occupation in 1073–4, he took them again in the summer of 1074. In 1076 Atsiz succeeded in conquering Damascus. The following year he invaded Egypt itself and besieged Cairo, but was eventually defeated by the new Fatimid *wazīr* Badr al-Djamālī at the end of Jan. 1077. Then Atsiz was, in turn, threatened by the Fatimid troops in Damascus, which made him appeal to the Seljuq sultan Malik-Shāh for help. The arrival of sultan's brother Tutush in 1078 led to the final withdrawal of the Fatimids from Syria and Palestine. Atsiz, however, was killed by Tutush, immediately after meeting him under the walls of Damascus.

In 1083 Tutush installed one of his major emirs, Artuq b. Aksab, as a governor of Jerusalem. Thus a short, but quiet «Artuqid period» of the Palestine history started. After the death of Artuq in 1091 his two sons – Sukmān and Īl-Ghāzī – inherited his lands. In 1093–5 they supported Tutush in his dispute for the sultanate against Barkyārūq. After Tutush's death, Sukmān, being one of the major Syrian emirs of the period, played an important part in the struggle for preponderance in Syria between two sons of Tutush – Ridwān of Halab and Duqāq of Damascus.

The following period the Artuqids took an active part in the fighting against the Franks of the First Crusade. The coming of the Crusaders gave a severe blow to the Seljuqs of Syria and the Artuqids in particular. This eventually led to the Fatimids' invasion to Palestine and taking Jerusalem from Sukmān and Īl-Ghāzī on 26 August 1098. Subsequent conquering of Palestine by the Crusaders marked the final loss of these lands for the Artuqids and Muslims in general, and led to transferring center of Artuqids' power to al-Djazira.

Shelly Johny

(Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India)

The Politics of the Wahhabi-Ibadi Contest in XIX C. Oman

While making an attempt to study Islam, one is confronted with the sheer diversity that exists within that religion in terms of regional, cultural

and sectarian variations. These differences that existed or continues to exist among different groups of Muslims cannot be neatly compartmentalised as only sectarian or ethnic as a combination of different factors play a role in perpetuating these differences. Also, the sectarian rivalry in Islam is not just limited to the oft mentioned one between Sunnis and Shias. All the sects of Islam have competed with each other for attaining prominence in society. All of these contests have not been violent as is evident in the one between Ismailis and Ibadis in East Africa in the early modern period where the contest was linked to trade and commercial interests rather than violent strife.

The birth of the Muwahiddun/Wahhabi movement in the eighteenth century in the Najd has had a tremendous impact on the history and politics of the Arabian Peninsula. As a revivalist and puritanical movement it sought to cleanse Islam off the beliefs and superstitions that had crept into the religion since the death of the Prophet Muhammad. An alliance between Muhammad Abd al Wahhab, the founder of the movement and the Al Saud family gave a political/military character to the movement. In its attempts to expand in Arabia, it was confronted with an Islamic sect called the Ibadi in the territory of Oman. Maintaining an identity that was separate from either Sunni or Shia' Islam, the Ibadis refused both, the tenets of the Wahhabi movement and the political supremacy of the Al Sauds.

The purpose of this paper is to study the nature of the contest that took place between the Wahhabis and the Ibadis in nineteenth century Oman. The aim here is to look at the politics of the struggle and not the theological differences that existed between the two sides. The paper itself will point towards the fact that it was politics rather than theological differences that drove the contest between the two. Besides understanding the particular political structures of the Wahhabis and the Ibadis, the paper will help in conveying how this competition affected the regional politics of the West Asian region during that period.

Johannes Thomann

(Oriental Institute, University of Zurich, Switzerland)

New documentary evidence for the history of Arabic astronomy in Egypt

Most studies on the history of Arabic astronomy are based on literary transmitted sources: Introductory books, comprehensive manuals and specialized treatises. The only exceptions so far are documents from the Cairo Geniza, published by Goldstein and Pingree in a series of articles, and the large field of publications on astronomical instruments, particularly those by David King.

Until now the great number of Arabic documents on papyrus and paper found in Egypt outside Cairo have not been in the focus of historians of as-

tronomy. In a first limited survey by the author a small number of relevant documents were found. Some of them can be dated and belong to the 9th, 10th and 11th century C. E.

The first group are horoscopes, a well know type of document from Ancient Greek papyri. They contain the zodiacal positions of the planets and the astrological houses for a given date and time, in the case of an anniversary horoscope the positions for two given dates.

The second group are ephemerides, similar to the ancient Greek ephemerides. They contain the positions of the planets for each day of a month or a year. Thus they offer us an opportunity to identify the astronomical tables, which were used for calculation.

The third group are almanacs. They contain the positions of the moon for each day of a year, together with aspects formed by other planets and astrological predicions for that day.

All documents are fragmentary. However, they allow reconstruction and offer an insight in the history of mathematical astronomy in Egypt and its application at a time, for which literary sources are hardly available.